

В Конституционный Суд Российской Федерации
Адрес: 190000, Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1

**XV ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС ПО КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВОСУДИЮ
СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКИХ КОМАНД
«Хрустальная Фемида 2025/2026»**

**«В поисках утраченной приватности»,
или Дело о предпринимательской свободе и подтверждении возраста в
социальных сетях**

ЖАЛОБА

о проверке конституционности положений:

статьи 10.8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Постановления Правительства Российской Федерации от 13 марта 2025 года № 236 «О допустимых способах подтверждения возраста пользователей цифровых платформ», а также частей 12 и 15 статьи 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Заявители:

Неонская Стелла Васильевна

Общество с ограниченной ответственностью
«Диджитал Арт Платформ»
654321, Даталендская область, г. Смарт

**Государственные органы, принявшие
оспариваемые акты:**

Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации
103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1

Совет Федерации Федерального Собрания Российской
Федерации
103426, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 26

Президент Российской Федерации
103132, г. Москва, ул. Ильинка, д. 23

Правительство Российской Федерации
103274, г. Москва, Краснопресненская набережная, д.
2

2025 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗЛОЖЕНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА.....	2
ДОПУСТИМОСТЬ ЖАЛОБЫ.....	4
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СТОРОНЫ.....	7
ПОДРОБНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СТОРОНЫ.....	8
ТРЕБОВАНИЕ, ОБРАЩЁННОЕ К КОНСТИТУЦИОННОМУ СУДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	22
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	23

ИЗЛОЖЕНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

30 декабря 2024 года был принят Федеральный закон № 495-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» (*далее* – Закон об информации). Он обязал владельцев цифровых платформ – информационных площадок товаров, работ и услуг в сети Интернет не допускать использование таких платформ лицами, не достигшими совершеннолетия. Отныне на владельцев онлайн-платформ возложена обязанность проверять возраст пользователей, притом что способы верификации устанавливает Правительство РФ. Постановлением от 13 марта 2025 года № 236 «О допустимых способах подтверждения возраста пользователей цифровых платформ» (*далее* – Постановление № 236) Правительство определило четыре способа верификации: через ЕПГУ («Госуслуги»), национальный мессенджер «Призма», Единую биометрическую систему, а также специальные программы, предназначенные для проверки возраста.

Во исполнение новых требований законодательства ООО «Диджитал Арт Платформ» – IT-компания и владелец цифровой платформы «Креативный маркет», где обсуждаются, оцениваются и продаются созданные пользователями произведения искусства – 31 марта 2025 года внесло изменения в свои локальные акты. Нововведения предусматривали подтверждение возраста пользователей «Креативного маркета» либо с помощью Единой биометрической системы, либо с использованием программы для подтверждения возраста «ВозрастГард», которая разработана компанией «Цифровой страж». Для внедрения этого программного решения ООО «Диджитал Арт Платформ» было вынуждено понести определённые расходы и заключить лицензионный договор с разработчиком программы. Кроме того, компания была вынуждена предусмотреть возможность передачи персональных данных пользователей платформы в адрес ООО «Цифровой страж».

Стелла Васильевна Неонская – один из постоянных пользователей «Креативного маркета», желая продолжить пользоваться платформой, выбрала способ подтверждения возраста с использованием системы «ВозрастГард» на сайте Компании. Однако 2 июня 2025 года ООО «Диджитал Арт Платформ» подверглось хакерской атаке, вследствие чего персональные данные около полумиллиона человек, включая данные С.В. Неонской, были размещены в даркнете.

15 июня 2025 года состоялись переговоры ООО «Диджитал Арт Платформ» и С.В. Неонской, по итогам которых компания согласилась выплатить пользователю компенсацию ущерба и морального вреда за утрату её личных данных, в общем размере 1 000 000 рублей. 18 июня 2025 года С.В. Неонская обратилась в Цифроградский городской суд Даталендской области и потребовала возмещения неполученных доходов в размере 1 000 000 рублей, ссылаясь также на нарушение своего права на неприкосновенность частной жизни. Суд согласился с доводами истицы в части непредоставления пользователю всех возможных способов подтверждения возраста, предусмотренных Постановлением № 236, и частично удовлетворил иск, присудив 200 000 рублей компенсации неполученного дохода. Законность решения подтвердили суд апелляционной инстанции, а затем и Седьмой кассационный суд общей юрисдикции.

Далее, в связи с утечкой персональных данных Управлением Роскомнадзора по Даталендской области была проведена внеплановая проверка деятельности ООО «Диджитал Арт Платформ». По её итогам было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном частью 15 статьи 13.11 КоАП РФ. Решением Даталендского арбитражного суда от 20 июля 2025 года ООО «Диджитал Арт Платформ» был назначен оборотный штраф в размере 2% выручки за 2024 год. Двадцать второй арбитражный апелляционный суд отказал в удовлетворении жалобы, при этом указав, что «сам по себе факт выполнения обязанности, предусмотренной [Законом об информации], не исключает и не снимает с владельцев цифровых платформ установленных законодательством о персональных данных обязанностей по обеспечению мер защиты персональных данных пользователей». Эту позицию разделили Арбитражный суд Информационного округа и судья Верховного Суда РФ, который отказал в передаче жалобы ООО «Диджитал Арт Платформ» на рассмотрение в судебную коллегию.

ДОПУСТИМОСТЬ ЖАЛОБЫ

Жалоба, поданная С.В. Неонской и ООО «Диджитал Арт Платформ» (*далее также* – Общество, *совместно* – заявители), отвечает всем требованиям допустимости, установленным статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (*далее* – Закон о Конституционном Суде).

1. Допустимость жалобы С.В. Неонской

1.1. Обжалуемые положения статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236 применены в конкретном деле заявительницы

Конституционный Суд РФ указывал, что норма считается применённой в конкретном деле в том случае, если она выступила нормативным основанием для его разрешения¹. С.В. Неонская полагает, что таковым в её деле выступили положения статьи 10.8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (*далее* – Закон об информации) и принятого на их основании Постановления Правительства РФ от 13 марта 2025 года № 236 «О допустимых способах подтверждения возраста пользователей цифровых платформ» (*далее* – Постановление № 236), конституционность которых она и оспаривает.

Заявительница обращалась в суд с деликтным иском². По смыслу пункта 1 статьи 1064 ГК РФ первоочерёдным условием его удовлетворения является доказанность совершения ответчиком правонарушения. Заявительница доказала факт нарушения ответчиком статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236, в результате чего иск был частично удовлетворён³. То есть, суды не просто упоминали данные нормы в своих решениях⁴, а давали предметную оценку доводам С.В. Неонской об их нарушении, что требовало, среди прочего, анализа их содержания, а также оценку причинной связи между их нарушением и понесением заявительницей убытков⁵. Таким образом, обжалуемые нормы выступили нормативным основанием разрешения дела С.В. Неонской.

1.2. Внутригосударственные средства судебной защиты по требованиям С.В. Неонской должны быть признаны исчерпанными

Заявительница в порядке пункта 3 статьи 97 Закона о Конституционном Суде просит признать внутригосударственные средства судебной защиты исчерпанными,

¹ Абзац 4 пункта 1.4 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 года № 39-П // *Собрание законодательства Российской Федерации* (*далее* – СЗ РФ). 2017. № 51. Ст. 7914.

² Пункт 14 Фабулы.

³ Пункт 15 Фабулы.

⁴ Согласно устоявшейся позиции Конституционного Суда РФ, само по себе упоминание нормы в тексте судебных актов не говорит о её применении в конкретном деле. См.: пункт 1.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 26 мая 2025 года № 22-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Абзац 1 пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

несмотря на то что по делу была подана только первая кассационная жалоба⁶. По мнению заявительницы, иное применение спорных законоположений Верховным Судом РФ не предполагалось.

С.В. Неонская связывает нарушение своих прав не с занижением судами размера упущенной выгоды, а с конституционной дефектностью обжалуемых законоположений, которые непропорционально ограничивают её право на уважение частной жизни. Их действие вынудило заявительницу раскрыть значительный объём персональных данных, отражающих различные аспекты её частной жизни, которые в конечном счёте оказались в руках третьих лиц и привели к её деанонимизации. Как известно, утечки персональных данных имеют далеко идущие последствия. Они не могут быть оценены непосредственно в момент утечки, поскольку данные, составляющие тайну частной жизни, могут оставаться в открытом доступе неограниченное количество времени и получать дальнейшее распространение, в том числе со злым умыслом (например, в даркнете).

Таким образом, даже если бы в результате обращения в Верховный Суд РФ иски были удовлетворены в полном объёме, это не привело бы к реальному восстановлению её нарушенных конституционных прав, не говоря уже о компенсации всех возможных убытков. В этом контексте единственным способом их восстановления остаётся обращение в Конституционный Суд РФ.

Наконец, обращение в Верховный Суд РФ лишено смысла даже по сугубо формальным соображениям. Согласно позиции Верховного Суда РФ, разрешение иска об упущенной выгоде требует исследования значительного числа фактических обстоятельств⁷. Вместе с тем, как следует из статьи 390.14 ГПК РФ, переоценка фактов в предмет рассмотрения Верховного Суда РФ не входит.

Применение других способов защиты в ординарных судах также было бы безрезультатным. Например, С.В. Неонская сохраняет возможность оспорить в порядке гражданского судопроизводства приказ Общества № 28, которым подтверждение возраста для доступа к платформе «Креативный маркет» предписано осуществлять с использованием программы «ВозрастГард». Однако, во-первых, суды по делу заявительницы уже дали оценку его законности, признав нарушение Обществом требований Закона об информации. Во-вторых, само по себе признание локального нормативного акта незаконным также не привело бы к восстановлению прав заявительницы.

⁶ Пункт 17 Фабулы.

⁷ Абзац 5 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 года № 2472-О // СПС «Гарант».

Таким образом, жалоба С.В. Неонской в Конституционный Суд РФ подаётся на фоне исчерпания всех эффективных средств защиты её прав⁸, отвечает требованиям допустимости и субсидиарному характеру конституционного судопроизводства⁹.

2. Допустимость жалобы ООО «Диджитал Арт Платформ»

2.1. Жалоба Общества о проверке конституционности части 12 статьи 13.11 КоАП РФ является допустимой

Общество оспаривает конституционность как части 12, так и части 15 статьи 13.11 КоАП РФ, несмотря на то что в конкретном деле было привлечено к ответственности только по последней из названных. Вместе с тем данные составы правонарушений являются идентичными: часть 15 статьи 13.11 КоАП РФ преследует повторное совершение правонарушения, предусмотренного частью 12 той же статьи¹⁰, то есть предусматривает состав с административной преюдицией. Даже если предметом конституционно-судебной проверки будет признана только часть 15 статьи 13.11 КоАП РФ, правовая позиция Конституционного Суда РФ по данному делу будет распространяться и на часть 12 той же статьи как на положение, на котором основана проверяемая норма¹¹.

2.2. Жалоба Общества о проверке конституционности статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236 является допустимой

Общество оспаривает нормы статьи 13.11 КоАП РФ во взаимосвязи со статьёй 10.8 Закона об информации и Постановлением № 236. Указанные положения также были применены в конкретном деле заявителя.

Как следует из решений по делу Общества, суды, констатируя наличие в его действиях состава правонарушения, предусмотренного частью 15 статьи 13.11 КоАП РФ, исследовали причинную связь между нарушением указанных норм Закона об информации и Постановления № 236 и наступившими последствиями в виде утечки персональных данных. Арбитражный суд Информационного округа при этом отдельно отметил, что тем самым Общество «самостоятельно приняло решение о сборе таких данных и в таком объёме»¹². Таким образом, реальным основанием для назначения

⁸ Например, Европейский Суд по правам человека, предъявляя требование о предварительном исчерпании всех внутренних средств правовой защиты перед подачей жалобы, распространяет его только на эффективные средства защиты, то есть такие, которые реально способны восстановить нарушенные права. См.: The European Court of Human Rights (*далее* – ECHR). Judgment of 20 April 2010. *Laska and Lika v. Albania*, Applications nos. 12315/04 and 17605/04, § 45 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-98349> (дата обращения: 10.11.2025).

⁹ Абзац 2 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 года № 274-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2019. № 3.

¹⁰ ООО «Диджитал Арт Платформ» ранее привлекалось к административной ответственности, предусмотренной частью 12 статьи 13.11 КоАП РФ. См. пункт 22 Фабулы.

¹¹ Часть 3 статьи 79 Закона о Конституционном Суде.

¹² Пункт 23 Фабулы.

Обществу оборотного штрафа стало нарушение обжалуемых законоположений, что говорит об их применении в деле заявителя.

Все другие требования допустимости обращения также соблюдены. В частности, жалоба подана в пределах годового срока на её подачу, поскольку последние судебные акты по делам обоих заявителей состоялись в августе и сентябре 2025 года¹³.

Таким образом, жалоба С.В. Неонской и ООО «Диджитал Арт Платформ» является допустимой и должна быть рассмотрена Конституционным Судом РФ по существу.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СТОРОНЫ

1. Взаимосвязанные положения статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236 не соответствуют Конституции РФ, её статьям 19 (частям 1 и 2), 23 (части 1), 34 (части 1), 55 (части 3) и пункту «м» статьи 71, поскольку в условиях отсутствия всяких ограничений видов и объёмов личной информации, используемой для подтверждения возраста, а также гарантий безопасности применяемых программных решений вынуждают граждан раскрывать значительный объём сведений, составляющих личную тайну и рисковать их сохранностью, а также посягают на существование права на свободу предпринимательской деятельности. Так, обжалуемые нормы:

1.1. противоречат части 1 статьи 23 и части 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку вынуждают граждан раскрывать значительный – и потенциально ничем не ограниченный объём личных данных, чтобы получить доступ к цифровым платформам, притом что законодательство никак не ограничивает владельцев цифровых платформ и разработчиков программного обеспечения, предназначенного для подтверждения возраста, в том, какой объём персональных данных и каких видов они вправе требовать от гражданина;

1.2. противоречат пункту «м» статьи 71 Конституции РФ, поскольку государство, отдав вопросы определения категорий и объёма персональных данных, необходимых для верификации возраста, на откуп разработчикам программного обеспечения, устранилось даже от минимального гарантирования безопасности передаваемых личных данных;

1.3. не соответствуют принципу равенства, части 1 статьи 34 и части 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку возлагают на субъектов предпринимательской деятельности расходы на внедрение программных средств верификации возраста во исполнение обязанностей, которую, согласно Конституции РФ, должны нести родители несовершеннолетних, а также не предусматривают механизмов хотя бы частичного возмещения таких расходов.

2. Положения частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ в нормативном единстве со статьёй 10.8 Закона об информации и Постановлением № 236 противоречат Конституции РФ, её статьям 19 (части 1 и 2), 49 (части 1) и 55 (части 3), поскольку не способны во всех случаях гарантировать соразмерность административной ответственности за

¹³ Пункты 17 и 24 Фабулы.

незаконную передачу персональных данных третьим лицам, в том числе поскольку в системе действующего регулирования за их сохранность ответственен не только владелец цифровой платформы. В частности:

2.1. данные нормы противоречат части 1 статьи 49 Конституции РФ, поскольку допускают привлечение к ответственности лишь владельца цифровой без учёта виновности разработчика программы для подтверждения возраста;

2.2. оспариваемые нормы противоречат части 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку нарушают принцип соразмерности административной ответственности.

ПОДРОБНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СТОРОНЫ

1. Взаимосвязанные положения статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236 не соответствуют Конституции РФ, её статьям 19 (частям 1 и 2), 23 (части 1), 34 (части 1), 55 (части 3) и пункту «м» статьи 71, поскольку в условиях отсутствия всяких ограничений видов и объёмов личной информации, используемой для подтверждения возраста, а также гарантий безопасности применяемых программных решений вынуждают граждан раскрывать значительный объём сведений, составляющих личную тайну и рисковать их сохранностью, а также посягают на существование права на свободу предпринимательской деятельности

1.1. Обжалуемые законоположения противоречат части 1 статьи 23 и части 3 статьи 55 Конституции РФ

Статья 23 Конституции РФ гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни. Конституционный Суд РФ неизменно исходит из широкого толкования данного права, определяя его как возможность человека самостоятельно контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного характера¹⁴. Именно поэтому Суд придал конституционное значение и праву на защиту персональных данных¹⁵, предназначение которого – защищать право на уважение тайны частной жизни¹⁶.

Мировая конституционная практика исходит из того, что право на уважение частной жизни порождает у граждан правомерные и разумные ожидания приватности. Ещё в 1967 году на их наличие обратил внимание Верховный суд США, признав неконституционным прослушивание телефонных переговоров в отсутствие санкции

¹⁴ Абзац 1 пункта 2.2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 года № 15-П // СЗ РФ. 2015. № 26. Ст. 3944.

¹⁵ Абзац 3 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 года № 3087-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Абзац 2 пункта 2.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 года № 22-П // СПС «КонсультантПлюс».

суда¹⁷. Впоследствии – с широким распространением интернет-технологий – Верховный суд США прямо указал, что общение в сети «Интернет» на условиях анонимности пользуется защитой Первой поправки, поскольку обеспечивает свободу выражения и обмена мнений так, как это не делает ни один другой канал связи¹⁸. В связи с этим в наши дни органы конституционного контроля зарубежных стран признают право на анонимность и приватность фундаментальным конституционным правом (например, Верховный суд Индии¹⁹).

Такой же позиции придерживаются международные органы. Так, Европейский Суд по правам человека (*далее* – ЕСПЧ) неоднократно признавал анонимность в Интернете одним из условий реализации права на свободное выражение мнений²⁰, а также права на уважение частной жизни²¹. Аналогичной позиции придерживаются Комитет ООН по правам человека²² и Комитет министров Совета Европы²³.

Таким образом, в современных реалиях, когда значительная (если уже не бóльшая) часть экономических, социальных, культурных и даже политических процессов²⁴ протекает в цифровой среде, доступной практически каждому человеку на началах анонимности, право на приватность становится важной составляющей конституционной гарантии уважения частной жизни, закреплённой в части 1 статьи 23 Конституции РФ. Это подтверждается и позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой технический прогресс и развитие технологий может влиять на объём предоставляемых конституционных прав²⁵.

¹⁷ Decision of United States Supreme Court. 18 December 1967. «Katz v. United States». 389 U.S. 347 (1967) // U.S. Supreme Court Reports. 1998. Vol. 389. P. 347.

¹⁸ Decision of United States Supreme Court. 26 June 1997. «Reno v. American Civil Liberties Union». 521 U.S. 844 (1997) // U.S. Supreme Court Reports. 1998. Vol. 521. P. 844.

¹⁹ Decision of Supreme Court of India. 24 August 2017. «Puttaswamy v. Union of India». 10 SCC 1; AIR 2017 SC 4161.

²⁰ ECHR. Judgment of 16 June 2025. Delfi AS. v. Estonia, Application no. 64569/09 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?TID=xqekxhoade&filename=001-126635.pdf&id=001-126635&library=ECHR> (дата обращения: 10.11.2025).

²¹ ECHR. Judgment of 24 April 2018. Benedik v. Slovenia, Application no. 62357/14 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-182677> (дата обращения, 10.11.2025).

²² Human Rights Council. Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. 17 April 2013. P. 13, 22. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A.HRC.23.40_EN.pdf (дата обращения, 10.11.2025).

²³ Декларация Комитета министров Совета Европы «О правах человека и верховенстве права в информационном обществе» от 13 мая 2005 года. CM (2005) 56 // JO. 15.05.2005. 564238/967.

²⁴ Абзац 6 пункта 3 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 года № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Абзац 4 пункта 2.3 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 года № 617-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

Более того, как права на жизнь и на охрану здоровья являются условиями для реализации остальных конституционных прав²⁶, так и право на анонимность в современных реалиях стало условием для реализации целого ряда других прав. Так, уже широко признано, что анонимность является немаловажной гарантией свободы выражения мнений. Помимо этого она облегчает реализацию конституционных прав на получение информации (часть 4 статьи 29 Конституции РФ), на свободу творчества и доступ к культурным ценностям (части 1 и 2 статьи 44), проявления которых могут существовать в цифровом виде на современных цифровых платформах.

Конституционный Суд РФ требует от государства минимизировать вмешательство в частную жизнь граждан ситуациями, когда соответствующая область жизнедеятельности носит противоправный характер²⁷. Следовательно, законодатель, преследуя конституционно значимые цели по защите прав несовершеннолетних на нормальное психическое и нравственное развитие и ограждению их от деструктивного цифрового контента, обязан принять все меры по минимизации своего вмешательства в частную жизнь и не посягать на гарантии анонимности и приватности без насущной на то необходимости. В этом заключается и требование конституционного принципа соблюдения баланса частных и публичных интересов, неоднократно артикулированного Конституционным Судом РФ²⁸.

Таким образом, любые законодательные механизмы, которые предусматривают обязательное подтверждение возраста пользователей в Интернете, – в том числе обжалуемые положения статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236, – будут соответствовать Конституции РФ только в том случае, если будут существовать гарантии и стандарты, позволяющие гражданам раскрыть минимум личной информации для получения доступа к цифровым платформам. Другими словами, законодатель обязан предусмотреть императивный и разумный порог видов и объёма личной информации, которую гражданин будет вынужден раскрыть для подтверждения возраста, с тем чтобы минимизировать вмешательство в частную жизнь.

Обжалуемые законоположения не соответствуют Конституции РФ, её статье 23, поскольку в системе действующего регулирования такой порог не установлен. Сказанное особенно актуально для граждан, которые не имеют учётной записи ЕПГУ, национального мессенджера – никаких других способов подтверждения возраста, кроме использования стороннего программного обеспечения (ПО) (подпункт «г» пункта 1 Постановления № 236). Как показывает практика по делу заявительницы, владельцы цифровых платформ и разработчики ПО, предназначенного для проверки возраста, никак не ограничены в объёме и видах персональных данных, которые они могут запрашивать для верификации. Так, заявительница была вынуждена представить семь своих

²⁶ Абзац 1 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Абзац 13 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 года № 248-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Абзац 2 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2024 года № 19-П // СПС «КонсультантПлюс».

фотографий, а также раскрыть информацию сразу о нескольких социальных сетях и аккаунтах в мессенджерах²⁹, чтобы подтвердить свой возраст. При этом именно такой значительный объём личной информации позволил в дальнейшем деанонимизировать заявительницу. Это стало для неё настоящим ударом, поскольку она занималась творчеством исключительно на условиях анонимности, используя псевдонимы³⁰, и повлекло для неё целый ряд негативных последствий.

Конституционная дефектность обжалуемого регулирования состоит в том, что оно вынуждает граждан раскрывать значительный – и потенциально ничем не ограниченный объём личных данных, чтобы получить доступ к цифровым платформам и с их использованием далее реализовывать свои конституционные права на получение информации, на творчество и доступ к нему.

Законодательный подход, требующий подтвердить свой возраст, но при этом не дающий гарантий от злоупотреблений со стороны разработчиков соответствующего ПО (с точки зрения объёма и видов личной информации, требующих обработки для верификации), приводит к социально опасным последствиям, а именно к росту объёма информации, составляющей тайну личной жизни, и персональных данных, к которым получают доступ владельцы цифровых платформ и разработчики ПО. Это особенно критично в современных условиях, когда утечки персональных данных и кибератаки, нацеленные на их похищение, стали намного более регулярными³¹. В результате повышаются как риски утраты персональных данных и их незаконного завладения третьими лицами, так и риски раскрытия тайны частной жизни большего числа граждан, поскольку за счёт аккумуляции большего объёма персональных данных последствия их утечек станут ещё более масштабными и пагубными. Как следствие, обжалуемый механизм становится контрпродуктивным, подвергает риску права неопределённого круга лиц и информационную безопасность государства. Это напрямую говорит о непригодности избранного законодателем средства достижения заявленных им легитимных целей и, соответственно, нарушению части 3 статьи 55 Конституции РФ³².

²⁹ Пункт 8 Фабулы.

³⁰ Пункты 7, 11 Фабулы.

³¹ Только в первом полугодии 2024 года количество единиц персональных данных, оказавшихся в открытом доступе, превысило рекордный один миллиард, а по некоторым оценкам превышает полтора миллиарда. Два прошлых года подряд Россия занимала второе место в мире по количеству утечек персональных данных, уступая только США. См.: В России в первом полугодии утекло почти 1 млрд персональных данных // InfoWatch. 5 сентября 2024 года. URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/v-rossii-v-pervom-polugodii-uteklo-pochti-odin-milliard-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 10.11.2025); Количество слитых персональных данных в 2024 году выросло на треть // InfoWatch. 5 марта 2025 года. URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/kolichestvo-slitykh-personalnykh-dannykh-v-dvetsyachi-dvadsat-chetvertom-godu-vyroslo-na-tret> (дата обращения: 10.11.2025); Аналитический отчёт «Утечки информации в мире. 2023–2024 годы». С. 13 // URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-informatsii-v-mire-2023-2024-gody.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

³² Шлинк Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 56–76, 61.

Не может считаться достаточной гарантией и требование подпункта «а» пункта 3 Постановления № 236, согласно которому программа, применяемая для подтверждения возраста, должна быть включена в реестр отечественного ПО. Согласно действующему регулированию, включение программы в реестр отечественного ПО предполагает двухэтапную регистрацию:

во-первых, регистрацию программы ЭВМ в Роспатенте. Она не предполагает проверку качества и безопасности программы, а ограничивается лишь проверкой соблюдения требований права интеллектуальной собственности³³;

во-вторых, регистрацию в качестве отечественного ПО. С одной стороны, такая регистрация невозможна без проверки её безопасности работы с конфиденциальной информацией, что подтверждается выдачей сертификата системы сертификации средств защиты информации³⁴. С другой стороны, регулирование включения программы в реестр отечественного ПО не предъявляет специальных требований к программам, предназначенным для проверки возраста на основе личных данных о гражданине, самое главное – требований о минимальности использования личных данных, ограничений видов и объёма таковых и т. п. О реальном уровне безопасности таких программ можно судить, например, по делу заявителя, где программа, включённая в реестр отечественного ПО, не только требовала раскрыть значительный объём личной информации, но и в конечном счёте не обеспечила их сохранность.

Таким образом, в действительности государство, несмотря на наличие требования о включении такой программы в реестр отечественного ПО, не гарантирует ни надёжность таких программ, ни минимальность использования ими сведений, составляющих личную тайну. Тем самым подрывается доверие граждан к действиям государства³⁵ и дискредитируется значение реестра отечественного ПО, выступающего для граждан «знаком качества», которому они могут безопасно доверить свою личную тайну.

1.2. Обжалуемые законоположения противоречат пункту «м» статьи 71 Конституции РФ

Оспариваемая нормативная модель фактически отдала вопросы определения категорий и объёма персональных данных, необходимых для верификации возраста, а также порядка их обработки на откуп частным субъектам – разработчикам программного обеспечения. При этом система действующего регулирования, как отмечалось, никак не

³³ См.: Приказ Минэкономразвития России от 5 апреля 2016 года № 210 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации программы для электронных вычислительных машин или базы данных и выдаче свидетельств о государственной регистрации программы для электронных вычислительных машин или базы данных, их дубликатов» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Подпункт «д» пункта 5 Порядка формирования и ведения реестра российского программного обеспечения (утв. Постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2015 года № 1236) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Абзац 3 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 10 октября 2024 года № 45-П // СПС «КонсультантПлюс».

ограничивает разработчиков ни в видах, ни в объёме информации, составляющей тайну частной жизни, необходимой для работоспособности их программных продуктов.

Отсутствие минимальных гарантий от злоупотреблений со стороны разработчиков приведёт к тому, что объём личной информации, необходимой для подтверждения возраста, будет определяться исходя не из требований статьи 23 и части 3 статьи 55 Конституции РФ, а из соображений технического и экономического характера. Например, памятуя о развитии нейросетевых технологий, трудно предположить, на основании каких личных данных нейросети получают возможность определять возраст человека. Это напрямую противоречит позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой права человека не могут быть ограничены по формальным критериям, в том числе по соображениям рационализации³⁶. Тем самым федерация устранилась от выполнения своей конституционной обязанности по обеспечению безопасности личности при применении информационных технологий и обороте цифровых данных, которая напрямую закреплена в пункте «м» статьи 71 Конституции РФ.

1.3. Оспариваемое регулирование создаёт препятствия в реализации неограниченного круга других конституционных прав

Наконец, в результате действия оспариваемого регулирования страдает реализация и других конституционных прав, в частности, права на доступ к творчеству и его плодам. Их реализация с использованием цифровых платформ становится невозможной, поскольку для доступа к ним граждане, не имеющие, например, учётной записи ЕПГУ или аккаунта в национальном мессенджере, вынуждены раскрыть значительный объём личной информации для подтверждения своего возраста с использованием сомнительной программы верификации, а значит – вынуждены рисковать конфиденциальностью и сохранностью этой информации. В результате граждане, которые по личным – заслуживающим внимания причинам (опасения деанонимизации, профайлинга, утечки своих данных) не готовы раскрывать такой объём личных данных, испытывают «охлаждающий эффект» при реализации своих прав, отказываясь от них в плоскости цифровых платформ, что Конституционный Суд РФ признавал недопустимым³⁷.

Важно также учитывать, что названные и многие другие конституционные права, реализация которых существенно облегчается с использованием цифровых платформ, принадлежат каждому человеку от рождения (часть 2 статьи 17 Конституции РФ). Между тем оспариваемое регулирование исключает из культурного цифрового оборота юных и молодых талантов – художников, творцов и специалистов, что ставит под сомнение соблюдение законодателем конституционного принципа равенства.

Таким образом, обжалуемые положения статьи 10.8 Закона об информации и Постановления № 236 не соответствуют статьям 19 (частям 1 и 2) и 55 (части 3) Конституции РФ, поскольку в системе действующего регулирования не ограничивают

³⁶ Абзац 3 пункта 4.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 года № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ Абзац 3 пункта 4.1 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2019 года № 3271-О // СПС «КонсультантПлюс».

глубину вмешательства в частную жизнь, не гарантируют безопасность программных решений, с использованием которых обрабатывается личная информация, а также не отвечают требованиям пропорциональности.

1.4. Оспариваемое регулирование противоречит части 1 статьи 34 и части 3 статьи 55 Конституции РФ

Часть 1 статьи 34 Конституции РФ гарантирует каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности. Конституционный Суд РФ, учитывая принцип баланса частных и публичных интересов, указывал, что возложение на частных лиц тех или иных публично значимых функций не должно приводить к неправомерному ограничению свободы предпринимательской деятельности³⁸.

Обжалуемые законоположения обязывают внедрить процедуры подтверждения возраста всех владельцев цифровых платформ – вне зависимости от специфики товаров, работ и услуг, которых они предоставляют, а также вне зависимости от возраста целевой аудитории их контента³⁹. При этом владельцы цифровых платформ обязаны либо самостоятельно разработать и внедрить такие программные решения, либо прибегнуть к сторонним программным продуктам, включённым в реестр отечественного ПО⁴⁰. Поскольку в большинстве случаев экономические и трудовые ресурсы компании на самостоятельную разработку таких программ крайне ограничены, значительная часть субъектов предпринимательской деятельности будет вынуждена обращаться к услугам сторонних разработчиков, затрачивая ресурсы на условиях последних, а также в обязательном порядке заключая лицензионные договоры с правообладателями программ.

Здесь стоит учитывать, что порядок подтверждения возраста, а значит, и объём необходимых для этого личных данных определяет не владелец платформы, а разработчик программы, услугами которого владелец платформы вынужден воспользоваться. В таком случае владельцы платформ будут вынуждены рассредотачивать получаемые персональные данные, поскольку их обработкой и, возможно, хранением будет заниматься, помимо основного оператора, также и разработчик программы, которая на их основании подтверждает возраст пользователя. Такое рассредоточение персональных данных повышает их уязвимость и риски неправомерной передачи третьим лицам, в том числе в результате кибератак.

В результате владельцы цифровых платформ, которые не в состоянии разработать собственное программное решение для подтверждения возраста, вынуждены – во

³⁸ Абзац 1 пункта 5 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 2-П // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ Обжалуемое регулирование понимает «цифровые платформы» крайне широко. Пунктом 23 статьи 2 Закона об информации они определяются как «информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг» (приложение № 1 к Фабуле).

⁴⁰ Подпункт «в» пункта 3 Постановления № 236.

исполнение обжалуемых нормативных требований – поставить себя в более уязвимое положение. В частности, у таких компаний повышаются риски привлечения к административной ответственности в виде крайне значительных оборотных штрафов, предусмотренных частью 15 статьи 13.11 КоАП РФ, которые с высокой вероятностью приведут к их ликвидации, если у них не было достаточно средств даже на самостоятельное внедрение необходимого ПО. Сказанное представляет собой не только чрезмерное вмешательство в свободу предпринимательской деятельности (статья 34 Конституции РФ), но и дифференцирует её субъектов в зависимости от их экономических показателей, что нарушает требования части 2 статьи 19 Конституции РФ.

Также обжалуемое регулирование противоречит части 1 статьи 34 Конституции в двух следующих аспектах.

Во-первых, оно неоправданно перелагает бремя защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, их психического и нравственного развития с их родителей на владельцев цифровых платформ, притом что это является, прежде всего, конституционной обязанностью родителей в силу части 2 статьи 38 Конституции РФ. Именно по этой причине, например, Конституционный Суд РФ предоставил право родителям использовать программные средства родительского контроля, позволяющие получать информацию о происходящем вокруг ребёнка, если это направлено на обеспечение его безопасности⁴¹. Если такое вмешательство в право ребёнка на неприкосновенность частной жизни может быть оправдано наличием у родителей обязанности по защите ребёнка, то у владельцев цифровых платформ таких веских оснований для подобного рода вмешательства не имеется.

Во-вторых, оспариваемое регулирование очевидно направлено на защиту конституционно значимых целей по защите прав несовершеннолетних и общественной нравственности. Следовательно, государство позиционирует обязанность владельцев цифровых платформ по внедрению средств проверки возраста в качестве публично значимой. Однако несмотря на то, что их внедрение в любом случае влечёт за собой дополнительные расходы и издержки, спорное регулирование не предусматривает гарантий хотя бы частичного возмещения владельцам платформ расходов, понесённых на эту публично значимую деятельность. Тем самым законодатель отступил от позиции Конституционного Суда РФ, в силу которой выполнение коммерческими организациями обязанностей публичного характера за собственный счёт не согласуется с основной целью их деятельности, и при отсутствии механизма возмещения понесённых ими расходов это искажает само существо права на занятие предпринимательской деятельностью⁴². Следовательно, отсутствие такого компенсационного механизма имеет

⁴¹ Пункт 1 резолютив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 18 января 2024 года № 2-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² Абзац 9 пункта 5.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 года № 29-П // СПС «КонсультантПлюс».

признаки конституционно значимого пробела⁴³, поскольку он затрагивает право владельцев цифровых платформ, гарантированное им статьёй 34 Конституции РФ.

Таким образом, оспариваемое регулирование противоречит конституционному требованию равенства субъектов предпринимательской деятельности перед законом, а также не согласуется с предписаниями статьи 34 Конституции РФ.

2. Положения частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ в нормативном единстве со статьёй 10.8 Закона об информации и Постановлением № 236 противоречат Конституции РФ, её статьям 19 (части 1 и 2), 49 (части 1) и 55 (части 3), поскольку не способны во всех случаях гарантировать соразмерность административной ответственности за незаконную передачу персональных данных третьим лицам, в том числе поскольку в системе действующего регулирования за их сохранность ответственен не только владелец цифровой платформы

2.1. Оспариваемые нормы противоречат частям 1 и 2 статьи 19 и части 1 статьи 49 Конституции РФ

Часть 1 статьи 49 Конституции РФ закрепляет фундаментальный принцип вины, который является общим для всех видов юридической ответственности⁴⁴, в том числе и административной⁴⁵. Кроме того, принцип вины выступает проявлением общеправового принципа справедливости, согласно которому лицо, по общему правилу, не должно нести ответственность за чужие действия. В этом контексте ЕСПЧ указывал, что привлечение к ответственности лица без учёта его вины и степени его контроля за ситуацией является нарушением права на справедливое судебное разбирательство⁴⁶. Сказанное согласуется и с пониманием Конституционного Суда РФ вины как строгих пределов, в которых лицо может нести ответственность сообразно конституционным принципам равенства, справедливости и соразмерности⁴⁷.

Обжалуемые положения КоАП РФ предусматривают оборотный штраф оператору персональных данных за их непропорциональную передачу третьим лицам. ООО «Диджитал Арт Платформ» принимает во внимание позиции Конституционного Суда РФ, согласно которым законодатель обладает дискрецией в области административно-деликтной политики, в том числе в определении мер административной ответственности⁴⁸, а также тот факт, что конструкция оборотных штрафов уже известна российскому

⁴³ Абзац 5 пункта 6 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 28 мая 2025 года № 23-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴ Пункт 5.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 26-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵ Абзац 3 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 года № 17-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶ ECHR. Judgment of 29 November 2000. Janosevic v. Sweden, Application no. 34619/97 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60628> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴⁷ Пункт 5.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 26-П.

⁴⁸ Абзац 2 пункта 2.4 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2024 года № 827-О // СПС «КонсультантПлюс».

законодательству⁴⁹. В связи с этим заявитель не ставит под сомнение само право законодателя предусматривать такие меры ответственности. Однако заявитель оспаривает нормы части 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ в системе действующего регулирования, а именно во взаимосвязи с подпунктом «в» пункта 3 Постановления № 236.

Данный пункт предполагает, что порядок верификации возраста пользователя может устанавливаться не только владельцем цифровой платформы, но и разработчиком программы, которую владелец платформы внедрил во исполнение требований Постановления № 236. Как показывает дело заявителя, на практике в таких случаях операторы вынуждены предусматривать в правилах своего IT-комплаенса возможность передачи персональных данных своих пользователей сторонним разработчикам⁵⁰ – в противном случае программа для подтверждения возраста работать не сможет.

В этом смысле обжалуемые нормы, предоставляя оператору персональных данных право передавать их третьим лицам – сторонним разработчикам ПО для подтверждения возраста, вносят существенный дисбаланс в законодательное регулирование персональных данных. С одной стороны, в целях сохранности тайны частной жизни оно создаёт условия для концентрации всех персональных данных в руках одного оператора⁵¹, и по его смыслу только оператор определяет цели их обработки, а главное – их состав. С другой стороны, поскольку Постановление № 236 предполагает возможность регулирования порядка подтверждения возраста другими лицами, помимо оператора – владельца цифровой платформы, определение состава персональных данных, которых необходимо предоставить, перестаёт быть прерогативой одного лишь оператора, и тот вынужден запрашивать у пользователя такие данные, которые необходимы для работы внедрённой программы верификации возраста. Практика на примере дела заявителя показывает, что круг этих персональных данных потенциально не ограничен: в него могут включаться социальные сети гражданина, его фотографии и публикации⁵² – такие категории персональных данных, которые оператор самостоятельно вовсе не стал бы запрашивать. Круг таковых зависит исключительно от разработчика программы верификации возраста, при этом, как уже отмечалось, он не связан никакими минимальными стандартами объёма персональных данных, с которыми он может работать.

Далее, Постановление № 236 предполагает возможность передачи этих данных третьим лицам, притом что после их передачи оператор лишается объективной возможности контролировать их сохранность, в частности, дальнейшую передачу другим лицам. Ситуация усугубляется тем, что ни Постановление № 236, ни Федеральный закон

⁴⁹ См., например, административные штрафы за правонарушения антимонопольного характера, в частности, за заключение вертикальных соглашений (статья 14.32 КоАП РФ).

⁵⁰ Пункт 4 Приказа ООО «Диджитал Арт Платформ» от 31 марта 2025 года № 28 (приложение № 3 к Фабуле).

⁵¹ Абзац 3 пункта 2 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 года № 17-П.

⁵² Пункт 8 Фабулы.

«О персональных данных», ни один другой акт в системе действующего регулирования не ограничивают вид и количество персональных данных, которые могут быть переданы оператором в рамках реализации его подпункта «в» пункта 3.

Как следствие, оператор лишается возможности – в рамках своих обычных комплаенс-процедур – ограничить негативные последствия потенциальной утечки персональных данных или неправомерного завладения злоумышленниками, что напрямую влияет на разрешение вопросов о виновности и наказании в порядке частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ. Иными словами, в системе действующего регулирования последствия утечки тайны частной жизни перестают зависеть от одного лишь оператора, от его виновности и действий, которые он может предпринимать для минимизации негативных последствий таких инцидентов.

Вместе с тем обжалуемые нормы не предусмотрели справедливого распределения этих рисков между владельцем цифровой платформы и разработчиками программ для подтверждения возраста. В этом контексте Суд ЕС рассматривал ситуацию, при которой цифровая платформа Fashion ID внедрила плагины от социальной сети Facebook (кнопка «Like»), в результате чего та автоматически собирала и передавала владельцу цифровой платформы данные посетителей сайта, даже если посетитель эту кнопку не нажимал. Суд признал в равной степени и Fashion ID, и Facebook «контролёрами» персональных данных, несущими – в отсутствие соглашения об ином – равную ответственность по защите данных посетителей, даже если один из них не имеет доступа к ним⁵³.

Однако обжалуемое регулирование предусматривает ответственность за утрату персональных данных только для владельца цифровой платформы как субъекта, являющегося оператором персональных данных, поскольку именно он определяет цели их обработки и их состав⁵⁴. Субъектом правонарушения, по смыслу частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ, также является только оператор персональных данных. При этом никакой ответственности разработчика – даже если именно его действия привели к утечке персональных данных или увеличению их объёмов или количества их видов – законом не предусмотрено. Взыскание с разработчика стоимости назначенного оператору штрафа в порядке гражданского судопроизводства заведомо обречено на провал в силу принятых в российском законодательстве высоких стандартов доказывания причинной связи по деликтным искам (по принципу разумной достоверности)⁵⁵.

Таким образом, положения частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ во взаимосвязи с подпунктом «в» пункта 3 Постановления № 236,

⁵³ Decision of Court of Justice of the European Union. 29 July 2019. «Fashion ID GmbH & Co.KG v Verbraucherzentrale NRW eV». Case C-40/17 // URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=216555&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1749977> (дата обращения: 10.11.2025).

⁵⁴ Пункт 2 статьи 3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

⁵⁵ Ценов Г.В., Иванов Н.В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149–172. СПС «КонсультантПлюс».

во-первых, противоречат части 1 статьи 49 Конституции РФ, поскольку допускают привлечение к ответственности лишь владельца цифровой платформы без учёта виновности разработчика программы для подтверждения возраста, притом что владелец платформы, заключая лицензионный договор со сторонним разработчиком, лишается возможности самостоятельно и единолично определять круг персональных данных для обработки, а также вынужден передавать их стороннему разработчику, рассредотачивая их и повышая тем самым риски их утечки или утраты;

во-вторых, противоречат конституционному принципу равенства (части 1 и 2 статьи 19 Конституции РФ), поскольку даже если причиной утраты персональных данных или фактором, который способствовал увеличению тяжести её последствий, будут являться виновные действия разработчика программы для подтверждения возраста, юридическую ответственность понесёт только владелец цифровой платформы как оператор персональных данных.

2.2. Часть 15 статьи 13.11 КоАП РФ противоречит части 3 статьи 55 Конституции РФ

Как отмечал Конституционный Суд РФ, пропорциональность мер административной ответственности (часть 3 статьи 55 Конституции РФ) означает запрет на избыточное ограничение имущественных прав и интересов лиц, признанных виновными в совершении правонарушений⁵⁶. Между тем административные штрафы в ряде случаев могут представлять собой наказание, сопоставимое с уголовно-правовыми мерами. Так, согласно части 15 статьи 13.11 КоАП РФ максимальный оборотный штраф может быть назначен в размере 500 миллионов рублей, что равно максимальному размеру уголовного штрафа, исчисляемого в кратном размере от предмета преступления⁵⁷. В связи с этим ЕСПЧ применяет к некоторым административным наказаниям уголовно-правовые стандарты: с точки зрения как процедуры, так и наказания⁵⁸. В свою очередь, Конституционный Суд РФ указывал, что административные штрафы не должны представлять собой непосильное обременение и приводить к вынужденной ликвидации⁵⁹.

Если законодатель намеревался предусмотреть соразмерную и справедливую ответственность за непропорциональную передачу персональных данных третьим лицам, он обязан был учитывать природу правонарушения, а также характер его возможных последствий. Так, передача персональных данных возможна не только в результате злого умысла или неосторожности самой организации (её ответственных сотрудников), но и в результате незаконного вмешательства извне (например, кибератаки), которые в условиях нынешней геополитической напряжённости получили особо серьёзное

⁵⁶ Абзац 4 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 15 сентября 2015 года № 1828-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁷ Часть 2 статьи 46 УК РФ.

⁵⁸ ECHR. Judgment of 19 November 2015. Mikhaylova v. Russia, Application no. 46998/08 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158708> (дата обращения: 10.11.2025).

⁵⁹ Абзац 3 пункта 4.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

распространение⁶⁰. Мировая практика показывает, что предотвратить такие инциденты зачастую не способны даже крупнейшие гиганты мировых рынков, которые производят значительные вложения в IT-комплаенс и защиту своей информационной инфраструктуры⁶¹, не говоря уже о компаниях низшего или среднего рыночного сегмента. К последним относится даже сам заявитель – ООО «Диджитал Арт Платформ», годовая выручка которого в 1,05 млрд рублей позволяет ему подняться только на 55-е место всех компаний России в IT-секторе⁶². Для многочисленных IT-компаний более низкого звена эта проблема становится ещё бóльшим вызовом.

Кроме того, незаконное завладение персональными данными может существенно отличаться по своим последствиям. Сведения, составляющие тайну частной жизни граждан, – вне зависимости от их количества и категории, – могут с равной вероятностью либо циркулировать в цифровом пространстве неограниченное время (например, в даркнете), либо быть уничтожены или утрачены по неопределённому кругу причин, равно как и доступ к ним может исчезнуть (например, в случае невозможности их расшифровки). Оператор персональных данных, допустивший их утечку, обычно лишён возможности влиять на последствия утечки, и в конечном счёте тяжесть последствий от оператора практически не зависит.

Непрогнозируемость последствий правонарушения, высокий фактор случайности и объективная невозможность создания совершенных систем информационной защиты на текущем этапе технологического развития – все эти факторы требовали от законодателя избрать особо осторожный подход к введению административных штрафов за такие правонарушения, тем более оборотных штрафов, крайне значительных по объёму. Например, праву ЕС также известны оборотные штрафы за нарушение требований защиты персональных данных, где они даже превышают те, что предусмотрены в частях 15 и 18 статьи 13.11 КоАП РФ и достигают 4% от общемирового оборота компании за год⁶³. Вместе с тем акты ЕС обязывают правоприменителя при их назначении учитывать целый комплекс факторов: не только число субъектов, чьи персональные данные утрачены, или категорию данных, но и предшествующие и дальнейшие действия компании в лице обработчиков и контролёров, степень

⁶⁰ См.: Сбер: число кибератак со стороны Украины на РФ с 2022 года выросло в семь раз // ТАСС. 2 сентября 2025 года. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24931101> (дата обращения: 10.11.2025).

⁶¹ Как известно, летом 2025 года от крупных кибератак пострадали Аэрофлот и один из крупнейших интернет-провайдеров г. Санкт-Петербурга – компания AirNet, а в 2022 году свыше двух терабайт персональных данных были похищены у Microsoft. См.: В Microsoft гигантская утечка. Пострадали десятки тысяч компаний по всему миру // CNews. 20 октября 2022 года. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2022-10-20_v_microsoft_gigantskaya_utechka (дата обращения: 10.11.2025); В «Аэрофлоте» остановлены полеты. Хакеры заявили об уничтожении IT-инфраструктуры авиакомпании // CNews. 28 июля 2025 года. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-07-28_hakery_vzjali_na_sebya_otvetstvennost (дата обращения: 10.11.2025).

⁶² Так, в 2024 году ООО «1С-Парус» достигло показателя выручки в 508,72 млн рублей. Без учёта ООО «Диджитал Арт Платформ» данная компания занимает 55-е место в рейтинге российских компаний по годовой выручке. См.: Рейтинг 2025 года: топ 77 крупных IT-компаний и корпораций России // HighTime Media. 15 апреля 2025 года. URL: <https://hightime.media/raiting-it-korporaciy/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁶³ Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation). Art. 83(5) // Intersoft Consulting. URL: <https://gdpr-info.eu/art-83-gdpr/> (дата обращения: 10.11.2025).

сотрудничества с надзорными органами, соблюдение высоких технических евростандартов при работе с данными, полученная финансовая выгода и предотвращённые убытки⁶⁴ и т. д. В КНР, которая отличается наиболее жёстким подходом к регулированию цифрового пространства, и где предусматриваются штрафы до 5% от годовой выручки⁶⁵, предписывается учитывать те же обстоятельства, а также скорость, с которой организация ограничила доступ к персональным данным, и оперативность внедрения комплаенс-процедур после первого инцидента⁶⁶.

Обжалуемое регулирование не гарантирует учёт этих и иных факторов, заслуживающих внимания при оценке таких сложных и многогранных правонарушений. Складывающаяся правоприменительная практика, в том числе по делу заявителя, не признаёт кибератаки фактором, исключаяющим событие или состав правонарушения, или даже смягчающим обстоятельством⁶⁷. Напротив, оспариваемые нормы обязывают правоприменителя учитывать два дополнительных отягчающих обстоятельства: продолжение противоправного поведения, несмотря на требование уполномоченных лиц прекратить его, а также повторное совершение правонарушения в состоянии наказанности⁶⁸.

Возможно, законодатель полагал, что на оборотные штрафы, предусмотренные обжалуемыми нормами, распространяются механизмы назначения штрафа ниже низшего предела⁶⁹. В действительности же, учитывая отмеченную ранее непредсказуемость и масштабность последствий такого правонарушения, вероятность того, что правоприменитель усмотрит наличие таких исключительных обстоятельств, которые позволили бы назначить штраф ниже низшего предела, сводится к нулю. Вдобавок, законодатель не предоставил возможности оплачивать оборотный штраф в меньшем размере до вступления в силу судебного акта о его назначении⁷⁰.

Более того, и специальный механизм для снижения оборотного штрафа до 0,1 его минимального размера⁷¹, предусмотренный наряду с обжалуемыми положениями, фактически остаётся недоступным для большинства компаний. Данный механизм требует от правонарушителя производить расходы на мероприятия по обеспечению информационной безопасности в течение трёх лет, предшествующих правонарушению, в размере не менее 0,1% общей годовой выручки. В результате эта гарантия, *во-первых*, автоматически недоступна новым компаниям, работающим на рынке менее трёх лет, *во-*

⁶⁴ Ibid. Art. 83(2).

⁶⁵ Personal Information Protection Act. Art. 66. URL: <https://personalinformationprotectionlaw.com/PIPL/article-66/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁶⁶ Ibid. Art. 67–71.

⁶⁷ Постановление мирового судьи судебного участка № 387 Басманного района г. Москвы от 10 мая 2023 года по делу № 5-463/2023; постановление мирового судьи судебного участка № 374 Таганского района г. Москвы от 1 марта 2023 года по делу № 05-0195/374/2023 и др. // СПС «Гарант».

⁶⁸ Примечание 5 к статье 13.11 КоАП РФ.

⁶⁹ Часть 3.2 статьи 4.1 КоАП РФ.

⁷⁰ Часть 1.3-3 статьи 32.2 КоАП РФ.

⁷¹ Часть 3.4-2 статьи 4.1 КоАП РФ.

вторых, ввиду ограниченных финансовых возможностей и общей затруднительной экономической ситуации в стране доступна лишь малой доле владельцев цифровых платформ. Такой законодательный подход не стимулирует компании на вложения в информационную безопасность, а возлагает на них чрезмерные ограничения права собственности, которые они вынуждены претерпевать ради снижения и без того крупного оборотного штрафа, что противоречит конституционным требованиям⁷². В результате положение компаний перед судом дифференцируется в зависимости от их времени работы на рынке, годовой выручки и иных экономических параметров, что является грубым нарушением части 1 статьи 19 Конституции РФ.

Таким образом, обжалуемые положения частей 12 и 15 статьи 13.11 КоАП РФ не во всех случаях гарантируют соразмерность административной ответственности за незаконную передачу персональных данных третьим лицам, а также не обеспечивают равенство всех владельцев цифровых платформ перед судом, что нарушает конституционные требования равенства и пропорциональности ограничения прав, предусмотренные статьями 19 (частью 1) и 55 (частью 3) Конституции РФ.

ТРЕБОВАНИЕ, ОБРАЩЁННОЕ К КОНСТИТУЦИОННОМУ СУДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основании изложенного заявители просят Конституционный Суд Российской Федерации признать положения статьи 10.8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Постановления Правительства Российской Федерации от 13 марта 2025 года № 236 «О допустимых способах подтверждения возраста пользователей цифровых платформ», а также частей 12 и 15 статьи 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не соответствующими Конституции Российской Федерации, её статьям 1 (части 1), 15 (части 1), 19 (частям 1 и 2), 23 (части 1), 34 (части 1), 55 (части 3) и 71 (пункту «м»).

⁷² Абзац 3 пункта 4.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты, акты толкования права:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета от 25 декабря 1993 года. № 237. [С. 4].
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447 [С. 4, 6].
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410. [С. 4].
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. [С. 6, 17, 21–22].
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. [С. 19].
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448. [С. 5, 6, 10, 14].
7. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451. [С. 18].
8. Порядок формирования и ведения реестра российского программного обеспечения (утв. Постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2015 года № 1236) // СПС «КонсультантПлюс». [С. 12].
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс». [С. 4].
10. Personal Information Protection Act. URL: <https://personalinformationprotectionlaw.com/PIPL/article-66/> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 21].
11. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) // Intersoft Consulting. URL: <https://gdpr-info.eu/art-83-gdpr/> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 21].

Международные правовые акты и документы:

12. Декларация Комитета министров Совета Европы «О правах человека и верховенстве права в информационном обществе» от 13 мая 2005 года. CM (2005) 56 // JO. 15.05.2005. 564238/967. [С. 9].
13. Human Rights Council. Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. 17 April 2013. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A.HRC.23.40_EN.pdf (дата обращения, 10.11.2025). [С. 9].

Решения Конституционного Суда Российской Федерации:

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 года № 29-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 16].
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 2-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 14].

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П // СЗ РФ. 2014. № 10. Ст. 1087. [С. 19, 22].
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 года № 11-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 13].
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 года № 15-П // СЗ РФ. 2015. № 26. Ст. 3944. [С. 8].
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 26-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 16].
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 года № 39-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7914. [С. 4].
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 года № 4-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 9].
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 года № 17-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 16, 17].
23. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 10].
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 года № 22-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 8].
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2024 года № 2-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 15].
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2024 года № 19-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 10].
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2024 года № 45-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 12].
28. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2025 года № 22-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 4].
29. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 2025 года № 23-П // СПС «КонсультантПлюс». [С. 16].
30. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 года № 248-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 10].
31. Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 года № 617-О-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 9].
32. Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 года № 3087-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 8].
33. Определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 года № 274-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2019. № 3. [С. 6].
34. Определение Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2024 года № 827-О // СПС «КонсультантПлюс». [С. 17].
35. Определение Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 года № 2472-О // СПС «Гарант». [С. 5].

Решения Европейского Суда по правам человека:

36. ECHR. Judgment of 29 November 2000. Janosevic v. Sweden, Application no. 34619/97 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60628> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 16].
37. ECHR. Judgment of 20 April 2010. Laska and Lika v. Albania, Applications nos. 12315/04 and 17605/04 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-98349> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 6].
38. ECHR. Judgment of 19 November 2015. Mikhaylova v. Russia, Application no. 46998/08 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158708> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 19].

39. ECHR. Judgment of 24 April 2018. Benedik v. Slovenia, Application no. 62357/14 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-182677> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 9].
40. ECHR. Judgment of 16 June 2025. Delfi AS. v. Estonia, Application no. 64569/09 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?TID=xqekxhoade&filename=001-126635.pdf&id=001-126635&library=ECHR> (дата обращения: 10.11.2025). [С. 9].

Решения зарубежных органов конституционного контроля и ординарных судов:

41. Decision of United States Supreme Court. 18 December 1967. «Katz v. United States». 389 U.S. 347 (1967) // U.S. Supreme Court Reports. 1998. Vol. 389. P. 347. [С. 9].
42. Decision of United States Supreme Court. 26 June 1997. «Reno v. American Civil Liberties Union». 521 U.S. 844 (1997) // U.S. Supreme Court Reports. 1998. Vol. 521. P. 844. [С. 9].
43. Decision of Supreme Court of India. 24 August 2017. «Puttaswamy v. Union of India». 10 SCC 1; AIR 2017 SC 4161. [С. 9].
44. Decision of Court of Justice of the European Union. 29 July 2019. «Fashion ID GmbH & Co.KG v Verbraucherzentrale NRW eV». Case C-40/17 // URL: [https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=216555&pageIndex=0&dolang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1749977](https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=216555&pageIndex=0&dclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1749977) (дата обращения: 10.11.2025). [С. 18].

Научная и учебная литература:

45. Цепов Г.В., Иванов Н.В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149–172. СПС «КонсультантПлюс». [С. 19].
46. Шлинк Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 56–76. [С. 11].